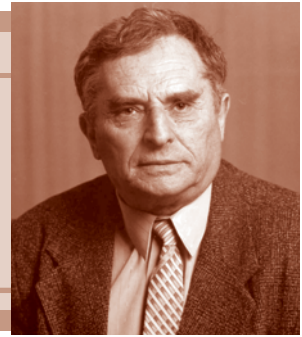

Лев Кройчик

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕСубъективные заметки
об отечественном высшем образовании

*Не мыслям он должен учить,
а мыслить; слушателя нужно
не вести за руку, а им руководить,
если хотят, чтобы в будущем он был способен
идти самостоятельно.*

И. Кант

- I -

Полвека вхожу в студенческую аудиторию. Полвека вместе со своими слушателями размышляю о существе нашего образования.

Учу и учусь.

Когда в шестьдесят втором впервые вошел в аудиторию, заполненную студентами-заочниками отделения журналистики филфака ВГУ, я, самонадеянный начинающий педагог, стал постепенно понимать очевидную истину: научить мастерству в своем деле невозможно: этому можно только научиться.

Все дело в великой возвратной частице «ся».

Как публицист побуждает свою аудиторию к со-творчеству, так и педагог порождает в своих учениках стремление к самостоятельному поиску решений тех задач, которые ставит перед ними реальная жизнь.

Что есть жизнь?

Вечное самотворение личности.

Вечное движение по дорогам познания мира.

Вечные поиски смысла.

Система образования на всех ее уровнях — начальном, среднем, высшем — маленькая толика того, что именуется сотворением собственного мира.

Творчеством то есть.

Если понимать под творчеством максимальное напряжение всех сущностных сил человека в процессе создания им чего-то нового, ранее не бывшего, то суть творческого процесса — в вечном преодолении собственной инерции, в преодолении готовности приспособляться к тому, что уже найдено, установлено, открыто предшественниками.

Творчество — это непрерывное преодоление монотонности жизни, это вечный поиск того, что еще не постигнуто.

Творчество — это вечный диалог с Космосом; диалог, требующий знаний и собственной неуспокоенности.

Образование стимулирует интерес к творчеству.

Кто сказал, что нет вечного двигателя?

В пространстве собственной жизни он существует в виде неостановимого постижения закономерностей бытия; в виде радостного созерцания окружающего мира; в виде неисчерпаемого созерцания и самозерцания (разумеется, в пределах отведенных Вечности).

В виде школы как системы обучения самообучению.

Это — не игра словами.

Это понимание того, что школа — существенный инструмент формирования личности. Инструмент этот совершенствуется, но отменным быть не может, поскольку знание бессмертно.

- II -

Высшую школу в обновленной за два последних десятилетия России основательно трясет.

Объяснение простое: смена идеологических, экономических, политических, социальных парадигм требует реформ всех систем, обеспечивающих жизнедеятельность государства и общества.

Потребность в реформировании высшей школы доступно объяснил Андрей Фурсенко в газете «Известия» 9 сентября 2008 года: «Современных вузов в России — 10 %, науч-

ных институтов — только 5 % <...> Сейчас в России вместе с филиалами 3200 вузов. Из них негосударственных — 1200. Если исходить из потребностей общества, то их должно оставить не более тысячи <...> Необходимо отталкиваться от качества преподавания, от качества организации образовательного процесса».

Общество напряглось и стало обсуждать поставленную тогда еще министром задачу.

Тем, более, что у нас в стране очень уважают разного рода реформы. Через какое-то время появился проект закона «Об образовании».

Конечно, проблема реформы высшего образования назрела.

Повод — явление, которое Лев Любимов, заместитель научного руководителя Высшей школы экономики, называет «массовизацией высшей школы» (Любимов Л. Что нужно менять в высшем образовании / Л. Любимов // Известия — 22 июня 2012 — С. 10). За последние двадцать лет в стране открыли огромное количество вузов.

И все пошли учиться.

Массовизация высшего образования привела, к заметному падению авторитета «человека с дипломом». Она ослабила интерес к научно-исследовательской работе в вузе: российский университет перестает быть питомником ученых-исследователей.

Возникает безотрадная картина снижения общего уровня высшего образования в стране.

Существующая система образования доставляет массу хлопот: уровень отечественной экономики не позволяет «переварить» огромное количество дипломированных специалистов: промышленность лежит, аграрный сектор чувствует себя неважно; развитие социальной сферы ограничено ввиду явно недостаточного ее финансирования.

Раньше двери вузов открывались только примерно для 18 процентов выпускников школы, сегодня — практически для все желающих. Можешь учиться за счет бюджетных средств, выделяемых государством, можешь — за свои кровные.

То есть на деньги родителей.

Эти деньги в огромных количествах перетекают в карманы преподавателей.

Тугой кошелек решает все проблемы.

Рядом с проблемой моральной возникает проблема социальная.

Власть наша не настолько идиотична, чтобы из чисто альтруистских соображений

плодить неучей. Распад могучей державы породил множество проблем: «народное хозяйство» рухнуло, а на смену ему ничего адекватного не пришло. Куда загонять молодежь? Не в тюрьмы же. Открыли широко двери вузов. Которые принимали всех, кто способен учиться. И тех, кому нужен был диплом, а не знания.

Стипендия мала, и есть далеко не у всех. Студенты идут работать. Преподаватели к такого рода пропускам занятий относятся с пониманием (я — не исключение). А ведь сила любого обучения — в непрерывном общении с педагогами, в непрерывных раздумьях над прочитанным, увиденном.

Вуз — ристалище для думающих людей.

Но думать некогда. Да и сил нет после трудового дня на стороне.

Массовое образование оказалось убыточным.

И — с моральной точки зрения, и с экономической. Поэтому лихорадочно стали от него избавляться.

Избавляемся тупо, непродуманно, нелогично.

Начали брать работающую структуру измором: не выделять необходимые средства, мучить проверками, сманивать перспективные кадры. У каждого механизма есть период стендовых испытаний и испытаний в условиях, приближенных к производственным...

Перелистывая страницы истории нашего университета, с уважением вижу, как проходил он на протяжении своей почти вековой истории проверку на вузовскую прочность.

Был переезд из Юрьева в Воронеж в 1918 году — потерял почти все, но возродился и превратил Воронеж в университетский город. Голубые околыши, серые тужурки за несколько лет преобразили город. Цвет, Шмальгаузен, Бурденко, Самбикин...

Наука сильна именами.

На рубеже 20–30-х годов власть рубит ВГУ на части, создавая на основе его факультетов новые вузы — медицинский, педагогический, народного хозяйства. Но вновь устоял университет.

Козо-Полянский, Думанский, Келлер, Сахаров... Растут научные школы. Университет становится интеллектуальным центром региона.

А потом была война — разрушение города; эвакуация, напоминающая бегство, в Елабугу. Трудное возвращение — воскресенье.

И — возрождение с появлением во главе университета Бориса Ивановича Михантьева.

Бурный рост шестидесятых годов. Новые факультеты, новые корпуса.

Сегодня университет — реальный градообразующий научный центр. Его авторитет очевиден и неотменим. Однако, и ему живется трудно — скудное финансирование, стареющий преподавательский корпус, достаточно жесткая конкуренция с университетами и вузами городов-соседей.

Хотя есть и бренд, и несомненные научные заслуги. Но кто-то вовремя подсуелится, кто-то сумел использовать связи со столицей...

Понятно, реформа высшего образования необходима, но не такая, какая ныне реализуется.

Решено — поделить вузы на три категории — казенные, бюджетные, автономные.

Суть нового закона — свести бесплатное образование до минимума, поскольку оно выглядит несовременным.

Об остальных параметрах реформ и их цене особо не задумывались:

— За ценой не постоим!

А ведь цена вопроса — не просто будущее образования российского.

Судьба страны.

Как правило, любая реформа включает в себя четыре взаимодействующих между собой составляющие — концептуальный уровень, экономический уровень, организационный уровень, содержательный уровень.

В основе нынешней концепции реформ высшей школы лежит простая и ясная мысль — переходим на западную модель образования. База этой модели очевидный принцип:

— Чего изволите?

То есть чистой воды прагматика: все подчинено интересам корпораций, монополий и проч.

Научный поиск и учебный процесс тесно связаны с насущными задачами производства.

Спорить с прагматической составляющей высшего образования бессмысленно: выпускник вуза должен обладать навыками ожидающей его профессиональной деятельности. Но при этом он должен обладать и воспитанной университетом готовностью к научному осмыслению задач, решаемых современным производством, современной культурой.

Выпускник вуза — человек интеллектуально подготовленный; человек, способный осмысливать ставящиеся перед ним задачи; человек не только дее-, но и идееспособный.

Отечественные университеты испокон века готовили интеллектуальную элиту страны.

А что теперь?

Сегодня к высшему образованию у нас в стране относятся так же, как к сфере обслуживания.

Термин придумали — «образовательные услуги».

В условиях рынка все продается и все покупается.

В сфере услуг важны не творческие возможности личности, не интерес к новому — важен уровень профессиональных навыков.

Кто сказал, что знания — сила?

Сила в дипломе, в «корочках», востребованных сегодня на рынке услуг.

Обладатели дипломов в цене во всех сферах жизни общества, даже в тех отраслях, где в образовании нет особой необходимости. Рынок образовательных услуг превратился в ярмарку тщеславия: сегодня за деньги можно приобрести не только знания, но и «корочки», свидетельствующие о качестве приобретенных знаний.

Знания плодит не только высшая школа, но и улица, на которой стены домов пестрят объявлениями о продаже дипломов. Вместе со вкладышами, свидетельствующими о глубоких и прочных знаниях их обладателей. Впрочем, знания можно не только приобрести, но и получить их легально в растущих как грибы вузах и филиалах вузов государственных.

Как правило, за деньги.

Получается, борьба с массовизацией высшего образования — задача, в общем-то праведная.

Но у этой праведной задачи есть и определенный подтекст: отечественное высшее образование как таковое не очень-то необходимо государству.

Возникает ощущение, что образованные люди стране не нужны.

Образованный человек опасен, ибо имеет склонность размышлять и думать, сопоставлять, анализировать, делать выводы.

Образованный человек требователен, он активно претендует на место под социальным солнцем. А если солнца не хватает, без особых раздумий покидает страну в поисках лучшей жизни.

Человек, вооруженный знаниями, лишняя персонаж современной отечественной истории потому, что знания побуждают к реализации идей, а реализация требует средств, которые давно уже поделены и распилены.

Все досталось «своим».

Ученый почти никогда не бывает «своим». А если оказывается «своим», то становится чужим в научном сообществе.

К тому же, как известно, «пряников сладких всегда не хватает для всех».

— III —

У меня такое ощущение, что в основе всех «телодвижений» реформаторов высшего образования лежит не высказанная публично, но существующая в подтексте идея — реформировать образовательную систему в России таким образом, чтобы она не доставляла серьезного беспокойства: не требовала больших расходов и служила бы сугубо прагматическим целям; поскольку стране нужны ремесленники, а не ученый люд.

Начали с разрушения традиций, накопленных средней школой. За последние два десятилетия школу так перетряхивали, что от вековых традиций обучения ничего не осталось.

— И слава Богу! — возразят мне сторонники обновления. — В советской школе было много архаики, много кондовости. Из ее стен выходил в буквальном смысле слова вышколенный народ, приученный мыслить догматически. Нынешняя школьная система более демократична — она оставляет за учеником право выбора, она ориентируется на поощрение индивидуальных интересов и склонностей школяра.

Так-то оно так, но у советской системы образования было то, что сегодня почему-то не востребовано: опора на базовые, фундаментальные (в пределах образовательных программ, разумеется) достижения научной мысли.

Советская школа была сильна не своей догматикой (что там говорить — догматики хватало), а приучением к **пониманию** происходящего, основательностью обучения.

Сегодня **понимание** сменяется **запоминанием**.

Таблица умножения необходима, но она всего лишь первый этап на пути преумножения знаний, на пути к самостоятельной работе мысли.

Современная школа в массе своей на пылкость ученика не рассчитана. Она опирается на знаменитую чеховскую формулу:

— Лопай, что дают!

Дают ЕГЭ.

ЕГЭ попирает систему школьного воспитания как воспитания нравственного.

Ответом на введение ЕГЭ стали массовые его нарушения, что выглядит закономерно — сон разума, как известно, рождает чудовиш.

ЕГЭ — венец торжества педагогической мысли чиновников от образования.

Вот образцы ответов на экзамене по истории, принадлежащие выпускникам отечественных школ:

«В СССР те, кто не отправлялся в тяжелые лагеря ГУЛАГа, направлялись в менее тяжелые пионерские лагеря».

«Врагов советской власти называли дивидендами».

«Ельцин отменил 6-ю статью советской конституции, запрещающую иметь больше одной политической партии на приусадебном участке».

«В сороковом году по поручению Хрущева был убит Троцкий ледоколом в Мексике» (Времена не выбирают // Воронежский телеграф — 2012 — № 150 — С. 30).

Это — не элементарная неграмотность, это — урок невежества. Который дарит нам ЕГЭ.

Так думают наши дети, прошедшие обучение в постсоветской очень средней школе.

Тем не менее именно эти дети поступают в типовой российский вуз, который, как заметил Ярослав Кузьминов, ректор Высшей школы экономики, доучивает студентов, «делает то, что не сделала школа. И это при том, что наш типовой вуз — это техникум с пятилетним образованием» (Кузьминов Я. Сохранить число вузов так же важно, как увеличить президентский срок / Я. Кузьминов // Известия — 2008 — 30 февраля — С. 6).

«Мы просто присутствуем при массовом обмане людей, что опасно» (Там же.).

Получение диплома о высшем образовании становится в нашей стране услугой, приносящей доход всем, кто имеет доступ к этой услуге.

Тем и живем.

Тестообразное образование — вершина педагогических новаций в стране. Пришедших на смену «школе радости» Сухомлинского.

Впрочем, радости в школьных зданиях не убавилось.

Еще бы!

Вместо литературы — физкультура, вместо математики — основы жизнедеятельности, вместо биологии, физики, химии — религиозоведение. Как там в песне поется — «Чтобы тело и душа были молоды, закаляйся, как сталь».

Гуманитарные и естественные предметы в школе — повод для удовлетворения любопытства отдельных учеников.

Не всех.

И при этом — всеобщая компьютеризация школ. Компьютер — панацея от всех бед. Он становится едва ли не основным инструментом обучения, тесня из класса учителя. Кликанье мышкой оттесняет живое общение с педагогом.

Доступность компьютерной информации отменяет процесс обучения.

Учеба перестает быть трудом.

– IV –

Нищенствующая средняя школа передает своих питомцев школе высшей.

Столь же нишная школа высшая продолжает дело, начатое средней школой.

На знаменах высшей школы начертано три взаимосвязанных лозунга — «вестернизация», «коммерциализация», «реорганизация».

Ничего хорошего вузам эти лозунги не сулят.

Начну с коммерциализации.

Знания в условиях рынка становятся товаром. Цена этого товара высока: постиндустриальное общество, в котором сегодня живет мир, требует постоянного обновления знаний.

Нашей власти ухватиться бы за это и сделать отечественную высшую школу конкурентоспособным производителем научных идей, вкладывая в модернизацию вузов деньги, адекватные расходам, скажем на оборону или на развитие нанотехнологий.

Но рынок образования представляет жалкое зрелище. Сегодня в стране примерно столько же частных вузов, сколько вузов государственных. В частных вузах работают, в основном, те же преподаватели, что и в вузах государственных. Оно и понятно: зарплата профессора государственного университета примерно равна зарплате прапорщика Вооруженных сил. Вооруженному такой получкой профессору хочется догнать хотя бы армейского старшего лейтенанта, и он бежит на заработки в частный вуз, вспоминая по дороге тему очередной лекции.

Получается обучение впопыхах — и на родимой кафедре, и на кафедре вторичного сырья.

Спешка усугубляется еще и тем, что в государственных вузах постоянно сокращается число бюджетных мест (прежде всего — на гу-

манитарных специальностях) и увеличивается число студентов-контрактников.

Студент-контрактник, к сожалению, это не посланец фирмы, завода, корпорации, отправленный в вуз на обучение. Это — сын или дочь любящих родителей, которые хотят видеть свое чадо дипломированным специалистом.

Хитроумное (но — недалекое) наше государство освобождает себя от всяких финансовых и прочих обязательств по отношению к будущему обладателю вузовского диплома. Естественно, что ничем не обязанный государству обладатель диплома плюет на государство с высоты своего независимого положения.

Тем более, что искать работу после окончания вуза приходится самому.

Развивая систему частного образования, государство решает важную стратегическую задачу, приучая общественность к повседневности рыночных отношений — за все приходится платить.

Увеличивается число частных детских садов, растет количество частных школ, частные вузы получают бюджетные места.

Государство передает процесс воспитания, процесс формирования личности в частные руки.

Сегодня в Воронеже действует сорок вузов (включая филиалы), качество подготовки специалистов в которых неоднородно.

Университет входит в число пятнадцати сильнейших в стране.

А остальные на каких местах?

Государственные вузы берут измором.

Нищенская зарплата.

Растущие нагрузки.

Слабая модернизация учебного процесса.

Но откуда взяться этой самой модернизации, если бюджеты вузов формируются по остаточному принципу.

Вузы выкручиваются, как могут.

Вот строительный университет взялся обучать журналистике: велик соблазн заработать на прибыльном деле.

Качество выпускаемой продукции, если я правильно понимаю ситуацию, никого не волнует. Ведь заказчик этой продукции не государство, не корпорация, а родители.

И вузы сгибают свои академические выи перед этим генеральным заказчиком, деваться некуда. Студенты-контрактники самим фактом своего пребывания на факультете дают возможность вузу латать дыры — производить косметический ремонт, расплачиваться

за издание научных трудов, выдавать скудные премиальные.

Деньги, как известно, лишними не бывают.

Тем более, что среди студентов-контрактников немало одаренных людей, искренне стремящихся получить высшее образование.

И далеко не все из них отчетливо представляют, в какой степени получаемое ими образование действительно является высшим.

— IV —

Государство озаботилось реорганизацией учебного процесса.

Уходит в прошлое специалитет — пятилетняя для большинства вузов подготовка специалистов. Решили, что четырех лет пребывания на студенческой скамье хватит для того, чтобы именоваться специалистом в своей области. Идеологи двухуровневки — бакалавриата и магистратуры — кивают при этом на опыт Запада (вот вам и вестернизация отечественного образования), но кивки эти мне представляются формальными.

Они отдают простодушием и готовностью глядеть в рот нашему министерскому начальству, с точки зрения которого, год — это дополнительные расходы на образование, а на самом деле — пятый год отдают специализации, самостоятельной научной работе над дипломом, практике.

Пятый курс — время наращивания профессиональной мускулатуры.

Опыт взаимоотношений бакалавров с работодателями показывает, что последние не очень охотно принимают на работу выпускников с «недовысшим» образованием.

Реформаторы не устают говорить, что двухуровневка поможет вписать отечественных выпускников в стройные ряды западных бакалавров и магистров.

Подозреваю, что этого не произойдет.

И не потому, что наших выпускников на Западе не ждут. Молодые специалисты, выходящие из России, неплохо себя зарекомендовали, работая в университетах, лабораториях и научно-исследовательских институтах Европы, Азии, Северной Америки.

У бакалавров западных вузов узкая профессионализация, тесно связанная с нуждами корпораций, оплачивающих судьбу своих посланцев. Отечественные бакалавры таких

контактов (и — контрактов), как правило, не имеют.

Бакалавру — мечтающему о научной работе, следует отучиться в магистратуре. Бюджетных мест, в которой не так уж и много.

Извольте раскошеляться?

А если у будущего Ломоносова или быстрого разумом Ньютона нет на дальнейшее обучение средств, тогда как? А ведь без диплома магистра в аспирантуру не поступить.

Профессор Лев Любимов, предлагает в этой связи провести категоризацию вузов. Автор статьи в «Известиях» напоминает, что «первая функция университетов во всем мире — исследования. Университет — это не только образовательная оболочка. Если нет исследований, это не университет, а какая-то другая категория» (см. его статью «Что нужно менять в высшем образовании» // Известия — 2012 — 2 июня — С. 10).

Насколько университет соответствует представлению о классическом высшем учебном заведении?

Достаточно ли у нас лабораторий, оснащенных современной техникой?

В какой степени наш преподавательский корпус готов вести исследование на самом высоком уровне?

Кому, наконец, нужны исследования университетских ученых в обозримом отечественном пространстве?

Обладает ли университет реальными интеллектуальными и материальными ресурсами, чтобы положительно ответить на эти вопросы?

Сегодня государство осуществляет свое заветное желание — заставить вузы жить на свои собственные средства.

Другими словами — прощай бесплатное высшее образование.

При таком положении дел высшее образование будет доступно относительно неширокому кругу лиц.

Или — растущее благосостояние населения России, становится явью?

Сегодня тотально повысили цены для контрактников в государственных вузах.

Частные высшие учебные заведения вправе сами устанавливать цены для тех, кто предпочтет обучаться по контракту.

Народ, естественно, потянется к корочке, выдаваемой за деньги.

Прощай, государственный университет?